

Содержание

Холодные берега	5
Близится утро	361

Холодные берега

Часть первая ПЕЧАЛЬНЫЕ ОСТРОВА

Глава первая, в которой я делаю выводы и пытаюсь в них поверить

Плеть в руках надсмотрщика казалась живой. Она то спала, прикорнув на мускулистых, поросших курчавым рыжим волосом руках, то лениво потягивалась, едва не касаясь плеч каторжников, то, расвирепев, начинала бросаться из стороны в сторону, посверкивая крошечным медным наконечником.

И лицо надсмотрщика, всегда скучное и безучастное, будто говорило: это не я, не я, без обид, ребята! Она, она — что хочет, то и творит...

— Ну, разбойнички, душегубцы... бунтовать будем?

Нестройный хор голосов ответил, что нет, никак не собираемся. Надсмотрщик выдавил улыбку:

— Хорошо, радуете старика...

Для надсмотрщика он и впрямь был стар — лет сорок, пожалуй. Редко до таких лет доживают на его работе — кого придушат цепью, кого затопчут ногами, а кто и сам уйдет, подкопив деньжат, от греха подальше. Лучше уж маршировать в строю или бродить по ночным улицам в худой кирасе стражника, чем иметь дело с десятком-другим готовых на все негодяев.

Но этот, с укоренившимся прозвищем Шутник, был слишком осторожен, чтобы попасть в руки отчаявшегося, и достаточно умен, чтобы не злить без нужды весь этап. Велик ли труд — разобраться, кто виноват, прежде чем пустить в ход

плеть, или прикрикнуть на кашевара, чтобы из недоворованных остатков провианта сумел сготовить что-то съедобное?

А нет... не каждый это понимает. Вот и вспыхивают в трюмах кораблей такие безумные бунты, после которых растерянные офицеры и следов не находят от свирепых, здоровенных бугаев. И остается одно — вешать каждого третьего, хоть и это угомонит каторжников лишь на время.

— А ты, Ильмар? Еще не разобрался с замками?

Тяжелая рука опустилась мне на плечо. Ох, здоров Шутник! Не хотел бы я его рассердить — даже без цепей.

— Что ты, Шутник. Не по зубам они мне.

Надсмотрщик, нависший над моей койкой — почетной, носовой, с одним только соседом, — осклабился.

— Это верно, Ильмар... верно. Только у тебя за зубами еще и язык есть. А? Может, есть у тебя Слово, а на то Слово — связка ключей прицеплена?

На миг его глаза стали жесткими, буравящими. Опасными.

— Будь у меня Слово, Шутник, — тихо сказал я, — не болтался бы вторую неделю в этой вони.

Шутник размышлял. Потолок в трюме был низкий — чего уж тут, зачем для каторжников стараться, и он невольно горбился, чтобы не задеть болтающийся прямо над головой фонарь.

— Тоже верно, Ильмар. Значит, судьба твоя — дерьмо нюхать.

Он наконец отошел, и я перевел дух.

Дерьмо — не беда. И не такое терпели. Другое дело — рудничную вонь нюхать, вот от нее можно и вовсе дышать разучиться.

Надсмотрщик вышел, повозился с засовом и забухал сапогами по трапу. Трюм сразу ожил. Шутник не из тех, кто делает вид, что уходит, а потом подслушивает под дверью.

— Куда колоду дел, Плешивый? — заорал Локи, карманник, залетевший на каторгу по какой-то злой усмешке судьбы. По всем законам полагалась ему разве что хорошая плеть, да, может, еще отсечение пальца. А вот нет — не приглянулся судьбе, или вспомнил тот подружку, которой на базаре карманы обчистили, — и все. Плыви к Печальным Островам,

надейся, что молодость поможет протянуть три отмеренных года. Впрочем, Локи не унывал — такие никогда не унывают. Свое прозвище в честь древнего северного бога проказ он получил не зря...

— А ты поищи, ты же у нас мастер, — хмуро отозвался Плешивый, мелкий чиновник, угодивший к нам за казнокрадство. Все ясно, сегодня не его масть...

В дальнем углу Волли-сладкоголосый затянул прерванную появлением надсмотрщика песню. Длинный язык довел его до каторги, но выводов он из того не сделал. Что говорить, третий раз сажают, а Волли честно вкалывает полгода — больше за крамолу не дают — и принимается за старое.

Сборщик сказал — новый налог,
Что ж, заплачу, я отвечал...

Голос у него был и впрямь хорош, и дерзости хватало, но вот больше ничего за душой певец не имел. Наверное, ему рукоплескали в селах и кварталах ремесленников... Впрочем, он иной славы и не искал. Я лениво слушал про то, какой именно продукт герой песенки собрал в большую корзину, за что этот продукт выдал, и как оплошал тупой сборщик налогов, вывалив содержимое корзины в общий воз с податями.

Пел бы лучше чужие песни, дурак... Про любовь, про лунную дорожку на воде, про потаенное Слово. Жил бы безбедно и людей бы радовал.

— Новую! — завопил Локи. Ему сегодня везло. Может, виной был фарт, а может, ловкие пальцы. Интересно, на что играют — на пайку, на дежурство, на интерес?

— Хватит, — глядя в покачивающийся деревянный потолок, сказал я. Потолок поскрипывал — кто-то ходил по палубе. — Наигрались. Спать пора.

— Ильмар, да ладно тебе... — неуверенно начал Локи.

— Хватит, я сказал!

Командовать двумя десятками балбесов мне особенно не улыбалось. Но пришлось этим заняться — иначе власть в трюме держал бы Славко-дубина, самый натуральный душегуб, пойманный прямо у свежего трупа. Сто кило мускулов и костей и чуть-чуть мозгов под крепким лбом. Я от души надеялся,

что в рудниках его случайно придавит грузеной вагонеткой. Сам бы поспособствовал, вот только нет у меня желания под землю лезть.

Значит — завтра придется изворачиваться. Ловчить, убежать, таиться. Доказать, что не зря слышу самым ловким вором во всей Державе. Из шахты не очень-то убежишь — вся надежда на короткий путь из порта в горы.

Надо выспаться...

Я встал и затушил фитиль в фонаре. Запахло горелым маслом. В темноте сразу стал слышен плеск волн за бортом, будто слух обострился. Поскрипывали койки, кое-кто торопливо бубнил положенные вечерние молитвы Искупителю, Волли вполголоса допевал песню — не умел он останавливаться по середине, я даже и окликать его не стал.

— А вот у меня однажды была девка... — Славко затаил обычную вечернюю историю. На каторге о женщинах лучше не говорить — к концу второй недели народ распяляется, и начинаются непотребства. Но Славко я не перебивал — все его истории были такие тупые и тошнотворные, что действовали лучше лекарского брома, который положено было добавлять в наше пойло. Распялялся от них только сам Славко, причем так лихо, что на второй день я посоветовал Шутнику поменять народ на койках. Теперь рядом со Славко-дубиной лежал молчаливый здоровенный верзила из какой-то, еще древними богами забытой, русской деревеньки. Как попал в Державу, где научился разговору, за что на каторгу угодил — не знаю. Парень он был неплохой, а мускулами — еще покрепче Славко. Кажется, дома кузнецом был. Одна беда — очень уж инертный, погруженный в свои мысли. За себя-то постоит, а вот народ в порядке не удержит. Мальчишку, который поначалу оказался рядом с душегубом, я от греха подальше поместил на койку над своей — хоть и есть у старшего по этапу право жить с комфортом, но так оно спокойнее будет. И кажется, в тот миг и посмотрела на меня Сестра-Покровительница с заоблачных высот... верно я сделал, ох как верно.

— А на третий день, когда поставили ее свинарник чистить, я и подошел, вроде как невзначай... — захлебываясь, буб-

нил Славко. — Юбки-то она задрала выше колен, чтоб не извозить, а я как подкрадусь...

— Как про женщин говоришь! — с тоской и глухой яростью воскликнул верзила-кузнец. Это у него было больное место, видно, в диком краю до сих пор верховодили бабы — и душегубу приходилось постоянно выкручиваться.

— Как? — с наивной звериной хитростью спросил Славко. — Хорошо говорю! Красивая была баба!

— Женщина!

— Ну женщина... Юбки, говорю, задрала...

— Нельзя так говорить!

— Почему ж нельзя? — искренне поразился Славко. — Ноги у нее красивые были. Морда...

— Лицо!

— Лицо, лицо... Лица — никакого, а ноги — да! Можно ведь говорить, что женщина красивая?

— Можно, — поразмыслив, сказал кузнец. — Это — хорошие слова.

— А что мор... лицо у нее красивое?

— Можно...

— А что ноги красивые?

— Тоже можно... — растерянно признал кузнец.

— Так я и говорю, ноги у нее — во! Я сзади-то подкрался, да и шлепнул... любя. Она как растянулась, для вида сердится, а сама мор... лицо протирает и улыбается!

Захихикал Плешивый, видно, для городского чиновника первобытный идиотизм Славко был очень забавен. Чувства юмора он не терял, не без оснований надеясь пересидеть два отмеренных года на непыльной работке счетовода. Проблем с ним оказалось куда меньше, чем ожидал, и потому я Плешивого немножко оберегал от опасностей.

Кто-то из каторжников, в очередной раз обманутый в лучших ожиданиях, смачно плюнул. Спросил:

— Что у тебя, Славко, все истории про то, как баба в грязь падает... или еще куда похуже?

— Да нравится мне, когда ба... женщина к матушке-земле поближе, — чистосердечно признался душегуб. — Самое оно...

— Ладно, всем спать! — Я счел за благо вмешаться. Кузнец мог все же воспринять слова душегуба оскорблением для жен-

ского пола и придушить дурака прямо в койке. Дело-то, конечно, хорошее, но не на корабле же! Шутник так бедолагу отделает — кровью харкать будет...

— Не прав ты, Ильмар, ой не прав! — хитренько, как ему казалось, произнес Славко. — Ребятам байку послушать интересно, а ты командуешь.

Но поддержки он не нашел. Никого уже его байки не развлекали. Ха... под старшего копать пытается. Не с его умишком...

— Заткни пасть! — гаркнул я, и кузнец охотно добавил:

— А то я заткну! Неправильно ты говоришь, сердцем чувю!

Душегуб мгновенно заткнулся, и наступила благодатная тишина. Скрипели койки, порой прогибалась под чьими-то шагами палуба, стучали в борта волны. Суденышко маленькое, для быстрого тюремного клипера полного этапа не набрали. Потому и плыли так долго.

Я лежал, кутаясь в куртку, иногда машинально разминая пальцы — словно собирался немного поколдовать над замком. Тьма была кромешная — огонек паршивого фитиля давно догтел, а иллюминаторов нам не положено. Спать бы и спать... вот только нельзя.

Или мне начала по ночам мерещиться всякая чушь, или...

Вот!

Нет, не показалось!

Я слышал, как надо мной едва-едва слышно звякнул металл. И пусть другие посчитают, что это гремит бронзовая цепь — уж я-то знаю, какие звуки издает замок, когда в нем пытаются ковыряться куском стали.

Весь расслабившись, я лежал и мысленно шептал благодарения Сестре-Покровительнице. Не оставила в беде глупого братца, не загнала под землю на семь нескончаемых лет! Сестра, как вернусь на Солнечный берег — приду в храм, упаду в ноги, ступни мраморные целовать буду, пять монет на алтарь положу — хоть и знаю, ни к чему ей деньги, все в карман священника попадет. Спасибо, Сестра, послала удачу мне, неумелому!

Ай да мальчишка!

Пронес, пронес на корабль с этапом железо!

И где только прятал — досмотрщик ведь был умелый, в такие места заглядывал, что и вспомнить противно. А все равно — пронес!

Целую неделю я трюм проверял, нет ли подарочка от прежнего этапа, нет ли случайного гвоздя в досках, за всеми приглядывал — только на пацана внимания не обращал. Не знал, в ком моя удача!

Да и кто бы знал?

Мальчишка как мальчишка, едва вошел в возраст, чтобы по эдикту «Об искоренении младенческого злодейства» на каторгу загреметь. То ли карманы кому-то важному обчистил, то ли в дом залез — молчаливый оказался паренек, сам ничего не рассказывал, а расспросы я первым делом пресек — не положено!

Может, проглотил железяку загодя? Нет, не мог, первые три дня я глаз не спускал с параши, все следил, не роется ли кто в своем дерьме.

Значит, и впрямь — Сестра удачу послала.

Кто-то вскрикнул сквозь сон, может, шахту представил, может, свои же делишки вспомнил, и звяканье надо мной стихло. Ничего, дружок, ничего. Теперь дождусь.

...И все-таки — как он пронес с собой железо?

Порода — вот что меня должно было насторожить. Чувствовалась в мальчишке порода: лицо тонкое, черты правильные, взгляд упрямый, твердый. Такие по базарам не промышляют. Чей-то незаконный сынок, наверное. Кто-то его на каторгу отправил, а кто-то и помог. Дал на карман Шутнику, тот и забыл про уставы, пронес отмычку, вложил мальчишке в руку.

Только так, а не иначе.

Тишина давно уже устоялась, а пацан все таился. Наконец скрипнуло железо. И в тот же миг я соскочил с койки, беззвучно, цепь рукой зажимая, чтоб не гремела.

Но мальчишка услышал. Дернулся, но поздно — схватил я его за руку, лежащую на замке, прижал, прошептал вполголоса:

— Тихо, дурак!

Он замер.

А мои пальцы разжали ладонь, проверили — ничего.

Я осторожно выпустил цепь и уже двумя руками провел по узкой койке, все надеясь, что пальцы почувствуют холод металла.

Ничего!

Я ощупал замок, обыскал нары — и под мальчишкой пошарил рукой, и вокруг, потом его самого ощупал — спал он, как все, в одежде, и мог, чем черт не шутит, спрятать отмычку в карман или за пазуху.

Пусто.

— Что вы делаете! — тихо возмутился мальчишка. И вот это он сделал зря. Если бы за собой не чувствовал вины и заподозрил плохое, то стал бы сейчас кричать. Раз таится...

— Уберите лапы! Я кричать буду!

Поздно, поздно. Сообразил, что неправильно себя ведет, но поздно... Я стоял, держа мальчика за руки и лихорадочно соображая. Он пока не дергался, ждал.

И вот когда я почти уж уверился, что перетрусивший пацан слотнул отмычку, и ничего теперь не поделает — не вспарывать же ему живот, как волку из сказки, и не сажать на парашу — утром к Островам подойдем, ничего он уже не высидит... — тут-то Сестра-Покровительница вновь на меня посмотрела. Головой покачала, глядя как я, недотепа, в руках ответ держу, а ничего не понимаю, вздохнула, да и послала просветление.

Я от волнения руки мальчишке сдалил. Потом перехватывать начал — правой рукой его левую взял, левой правую, и наоборот. Мальчишка молчал — видно, все понял.

— Не будешь ты кричать, дружок, — прошептал я. — Никак не будешь. Даже если пальцы тебе сломаю, промолчишь. Только ты не бойся, малыш, все теперь путем, мы теперь друзья лучшие...

Правая ладонь у пацана была холодной! Просто ледяной! Вот и весь ответ.

— А сделаем мы вот что, — шептал я, лихорадочно вспоминая, как мальчишку зовут. В первый день он назвался, но не до того было, порядок пришлось в трюме ставить, а потом все его только пацаном и окликали. — А сделаем мы, Марк,

вот что — сядем рядышком и поговорим. Тихонько и по-дружески...

— Не о чем мне с вами говорить! — огрызнулся Марк, когда я сгреб его с полки и опустил на свою, нижнюю. Вокруг все тихо оставалось, а если кто и услышал, то подумал, верно, худое. Пускай думают, мне с ними за вагонеткой не идти. Теперь я уверен!

— Есть о чем, Марк, — прошептал я мальчишке на ухо. — Есть. Ты Слово знаешь!

Он чуть дернулся, но я держал крепко.

— Нет, ты не спеши, — продолжал уговаривать я пацана. — Подумай. Ты вторую ночь замок ковыряешь, ничего сделать не можешь. А завтра — порт. А потом — рудник. Там с тебя цепи и так снимут, не думай. Из рудника выход один, и замков там нет — там стражники караулят. Я знаю, я бывал. Так что упустишь шанс — не поможет и Слово!

Мальчишка притих.

— Ну а снял бы замок? — Я тихонько засмеялся. — Что дальше? Думаешь, я не могу свой открыть? Потрогай!

Я заставил его взяться за дужку замка, сам быстро нашарил в кармане припасенную на крайний случай шепку — прочную, хорошую, еле отодрал от койки, — и провернул механизм. Замок тихонько щелкнул, отпираясь.

— Понял?

— Почему тогда...

— Почему я здесь? А куда мне податься? Положим, с засовом тоже справлюсь, не велик труд. Дальше что? За борт прыгать?

— Шлюпка...

— Да, да, в шлюпке за сотни миль плыть. Умница. Хочешь — сейчас тебя выпущу? Беги... Только железяку свою мне отдай... кстати, что там у тебя?

Марк сделал вид, что вопроса не услышал. Или вправду задумался?

— Тогда что делать?

— Порта дожидаться. Поведут на канате, дело обычное. Ну и... в общем, можно уйти.

— Как?

Мальчишка от волнения заговорил громче, и я зажал ему рот.

— Тихо! Как — не твоя забота. Главное, что вот тогда-то как раз металл нужен, щепкой я только такую ерунду открыть смогу. А придется отпираться хороший, большой замок. Быстро отпираться придется!

— Ножом — сможете?

— У тебя нож? Да... наверное. Покажи!

Я сказал и прикусил язык, слишком уж резкой была просьба. И громкой.

Но Марк решил. Что-то прошептал — одними губами, я ничего не расслышал. И протянул мне руку.

Ладонь была холодной, словно мальчик несколько минут подержал ее на льду. С замиранием сердца я осознал, рядом со мной и впрямь — знающий Слово! А вот сталь — теплая, согретая рукой. Не зря говорят — Слово лишь живое морозит.

— Осторожно, острый! — запоздало предупредил Марк.

Зализывая палец, я ощупал нож другой рукой. Короткий и узкий обоюдоострый кинжал. Рукоять из кости, резная. Видимо, хорошая сталь — раз пацан не сломал острие и не зазубрил кромку лезвия, неумело ковыряясь в замке.

— Годится, — сказал я. — Дай-ка...

Конечно, он не дал. Конечно, я на это и не рассчитывал. Еще секунду я держал лезвие, потом оно исчезло. Растворилось под пальцами, и я схватил воздух.

— Тебе все равно придется мне довериться, — предупредил я.

— Тогда объясните.

Выхода не было.

— Слушай, повторять не буду. Нас поведут на канате...

Минут через десять я ему все втолковал, не забыв несколько раз напомнить, что нож все-таки придется мне дать. Мальчишка молчал, но у меня сложилось ощущение, что он согласен.

— Значит — поладили? — спросил я для верности.

— Да.

Правильно. Куда же ему деваться? Не дурак, понимает, что в лабиринтах старых шахт, куда напиханы тысячи каторжников, ничего хорошего ему не светит.

— Утром держись рядом. Выведут, будут на канате строить — станешь за мной. Как придет время, я тебе дам знать.

— Нельзя мне на Острова... — прошептал мальчик.

— Верно, нельзя.

— Вы не понимаете. Мне с корабля сходить нельзя.

— Почему?

— Я... случайно на этап попал.

Вот оно! Старая песня. Все мы тут невинные, верные сыны Искупителя, несчастные братья Сестры. А вокруг нас — злодеи, душегубцы...

— Меня должны были казнить.

Такого я никак не ожидал. Говорил пацан с убежденностью, и сомневаться не приходилось. Только вешают-то не зря, судьи, может, и сволочи, но они лучше душегуба на каторгу упекут, в рудниках ковыряться, чем без толку веревку потратят.

Если крайностей не брать, то казнят лишь таких злодеев, которых все равно попутчики-каторжники на части разорвут. Ну, если кто убьет женщину, что ребенка носит, — это понятно, это сама Сестра завешала, когда ее на костер вели. Сонного или беспомощного убить — тоже грех смертный. Если жертвам обычным счет за двенадцать перевалит — и тут дело ясное, Искупитель же сказал: «Даже дюжину кто положит, все равно передо мной чист, если чистосердечно раскается», а про вторую дюжину промолчал. Можно, конечно, и перед Домом провиниться — только какую крайность измыслить мальчишке, чтобы Дом рассердить?

На всякий случай я от Марка отодвинулся. Если у паренька с головой не в порядке, то придется стеречься. Ему миг нужен, чтобы Словом в Холод потянуться и нож достать. А что я против стали — в темноте, когда своего носа не видишь?

— Не бойтесь, — сказал мальчишка, и я от такой наглости дернулся. Но смолчал — что поделать, и впрямь ведь боюсь. Хоть чуть-чуть бы света, хоть щелочку в палубе, лампадку на другом конце трюма — ко всему привычен, по саксонским подземельям ползал, в курганах киргизских копался, китайские дворцы ночами обчищал — когда одна смальта фосфорная с потолка светила... Но нет ничего — и сиди, жди, не вонзится ли в бок кинжал.

— И за какие же такие дела тебя вешать должны?

— Мое дело.

— Это верно. Только чего теперь боишься? Приговор получил, в корабль сел, до Островов почти доплыли. Чуешь, как волны бьют? Это уже прибрежная качка, лоцман неопытный, боится ночью в бухту входить.

— Если они поймут... там...

— И что? Клипер вдгонку за тобой снарядят? Велика птица! Пошлют с оказией приказ повесить на месте или обратно отправить.

— Может, и клипер, может, и планёр.

Ну-ну. Со всяким бывает. Помню одного типчика, тот девицу соблазнил, так в камере трясся — «повесят меня, повесят»... А получил плетей, да и поплелся домой.

— Ложись-ка спать, — велел я, будто Марк сам на разговор напросился и с койки слез. — Завтра силы понадобятся. Учти: хитрость хитростью, а если бегать не умеешь — конец.

Подсадил я мальчишку обратно на койку, цепь громко забренчала, и уж теперь точно не один каторжник проснулся. Заворочались, закашляли, закряхтели, кто-то сонно выругался. А я прилег, между делом шепкой своей верной замок закрыл и задумался.

Великое дело — Слово знать. Не раз я таких видал, только обычно поверх голов. На войне, когда по молодости в армию затесался. Или из темного угла в чужом доме, молясь Сестре, чтобы прошел мимо хозяин, не вынуждал грехи множить.

А вот так, рядом, за руку держа, когда Слово шепчут и в Холод лезут, — никогда. Был, правда, Гомес Тихой, лихим делом промышлявший, но не зверствовавший. И пили вместе, и гулянки устраивали. А потом нашли его в переулке, так изрезанного и исколотого, что всякому стало ясно — Слово пытали. На лице у Гомеса улыбка застыла, страшная, злая. Видно, все вытерпел, а Слово не открыл...

Но мальчишке-то, мальчишке откуда знать? Отец подарил? Тогда точно — из аристократов. Ах, Шутник, ко мне приглядывался, на Плешивого посматривал, а кто Слово скрывает — не понял. Значит, такой твой фарт...

* * *

Накормили нас торопливо и откровенной дрянью. Осмелели морячки, бунта больше не боятся. Шутник сам принес котел с клейкой кашей, даже не слобренной рыбой, и миски. Стоял у дверей, поглядывал, как каторжники, морщась, набивают животы, плеточку баюкал. Корабль слегка покачивало на волнах, но лениво — даже те, кто маялся морской болезнью, повеселели. Отшумел уже, спуская якорь, кабестан, и совсем рядом, за бортом, слышались приглушенные голоса. И то верно, не только нас, скот рабочий, привезли, еще и провиант столичный для офицеров, оружие, одежду, инструменты. Городок-то не такой уж и малый, близ гарнизона многие кормятся.

— Ну, пора! — Шутник изобразил самую разлюбезную улыбку. — Рад я за вас, ворье несчастное. Честным трудом вину испусите — обязательно назад отвезу.

— Не задерживайся только, — буркнул Локи. Еще вчера мог бы и плеткой за дерзость получить, а сегодня с рук сошло.

Шутник двинулся по трюму, останавливаясь у занятых коек и отпирая цепь. Человек он был все же смелости отменной — не побоялся в одиночку снять оковы с двух десятков бандитов. Хотя, конечно, и то понимал, что мы все знаем — и палуба, и причал сейчас стражниками кишат.

Возле меня Шутник остановился, спросил:

— Снять замок, или сам сумеешь?

— Сними уж, — попросил я.

Шутник покачал головой:

— Чтоб такой, как ты, и не сумел щепкой замок снять...

В груди у меня ёкнуло, но надзиратель открыл замок и прошел дальше. Нет, ничего он не подозревает. Разочаровался, наверное, что Ильмар Скользкий на поверку оказался так прост.

Ничего, потерпи, друг. Вскоре будет тебе спектакль...

Марк прыгнул с верхней полки, потирая натертое цепью запястье. Как всегда бывает с мальчишками, его сковали слишком туго, чтобы не вывернул гибкую кисть из кольца. Но кровоточащий след Марка не волновал. Он уставился на меня с таким заговорщицким видом, что я мгновенно отвернулся. У